

**В.И. Молодин¹, Л.Н. Мыльникова¹✉, Л.С. Кобелева¹,
М.С. Нестерова¹, С. Хансен², Д.В. Селин¹,
М.А. Кудинова¹, И.А. Дураков¹, Е.С. Швецова¹,
Ю.Н. Ненахова¹, С. Райнхольд², Д.Н. Бобин¹**

¹Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия

²Германский археологический институт
Берлин, Германия

E-mail: molodin@archaeology.nsc.ru, svend.hansen@dainst.de

Продолжение раскопок грунтовых могильников эпохи бронзы в Барабинской лесостепи

В ходе раскопок 2020 г. на памятнике Усть-Тартас-2 были изучены погребальные объекты эпохи бронзы: десять захоронений одиновской и одно – кротовской культур, содержащих оригинальный погребальный инвентарь. Среди захоронений одиновской культуры выделяется погр. № 76, где захоронены пять человек. Особенностью погребального обряда является отчленение голов захороненных людей без применения рубящих орудий и расположение крайних пар «валетом». Погребальный инвентарь был положен только центральному погребенному. Изделия располагались кучкой под его правой тазовой костью и, вероятно, были помещены в какой-то емкости. Предполагается, что изделия представляют собой набор мастера-костореза. Неординарность захоронения № 65 проявилась не только в способе погребения, но и в сопроводительном инвентаре. Это четырехъярусная могила, где верхние два умерших были обернуты в берестяное полотно, которое было подожжено. Среди находок в верхнем ярусе выделяется глиняная фигурка человека, не имеющая аналогий ни в памятниках одиновской культуры, ни в изделиях такого же характера в других культурах Евразии эпохи ранней – развитой бронзы. Пол персонажа не выражен. Высота изделия 16,2 см. Голова круглая (диаметр 4,2 см). Черты лица переданы объемно: округлые глазницы, широкий, рельефно выраженный нос, рот – в виде ямки неправильной подовальной формы. На левой щеке обозначена прямая вертикальная линия, демонстрирующая татуировку. Шея короткая, волосы и уши не показаны. Туловище непропорционально вытянутое, прямое, без выраженной талии. Руки также нарочито удлинены, ноги короткие с выраженными выступающими коленями и ступнями. Передняя часть на всю длину туловища выбрана в виде глубокой подчетыреугольной полости (длина емкости – 7,4 см, ширина – 1,8 см, глубина – 1,6 см). Внутри находилась тонкая бронзовая пластина. На лицо фигурки человека была надета костяная маска. Рядом с глиняной скульптуркой была помещена орнаментированная костяная пластина, имеющая аналогии в материалах одиновской культуры.

Ключевые слова: Барабинская лесостепь, эпоха бронзы, одиновская и кротовская культуры, могильники, погребальный инвентарь, скульптура.

**Vyacheslav I. Molodin¹, Lyudmila N. Mylnikova¹✉, Liliya S. Kobeleva¹,
Marina S. Nesterova¹, Svend Hansen², Dmitrii V. Selin¹,
Maria A. Kudinova¹, Igor A. Durakov¹, Ekaterina S. Shvetsova¹,
Yuliya N. Nenakhova¹, Sabina Reinhold², Dmitrii N. Bobin¹**

¹Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS,
Novosibirsk, Russia

²German Archaeological Institute,
Berlin, Germany

E-mail: molodin@archaeology.nsc.ru, svend.hansen@dainst.de

The Continuation of Archaeological Excavation of the Bronze Age Burial Grounds in the Baraba Forest-Steppe

In 2020, during the excavations at the Ust-Tartas-2 site, Bronze Age burials, i.e. ten burials of the Odino culture and one of the Krotovo culture containing the original grave goods were studied. Among the burials of the Odino culture, burial No. 76 with five people buried in it stands out. The funeral rite's feature is the separation of the buried people's head without the use of chopping tools and the position of the last in row "head and tail". The grave goods were placed only in the central burial. The items were arranged in a pile under the buried human's right pelvic bone and were probably placed in a certain container. It is assumed that these items are a set of a bone carver. The unique nature of burial No. 65 was apparent not only in the burial method, but also in the accompanying inventory. This is a four-layer grave, where the upper two people were wrapped in a birch bark and set on fire. Among the finds in the upper layer of burial, a clay figurine of a human was found; it has parallels neither in the other sites of the Odino culture, nor in the similar items in other Eurasian cultures of the Early-Advanced Bronze Age. The gender of the character is not expressed. The height of the item is 16.2 cm. The head is round (4.2 cm in diameter). The facial features are dimensional, i.e. round eye sockets, large and prominent nose, mouth made as an oval hole. There is a straight vertical line on the left cheek showing the tattoo. The neck is short. Hair and ears are not expressed. The body is elongated, straight, without a waist. The long arms are also elongated and ended in the leg area; the legs are short with prominent knees and feet. Along the full front part length, there is a deep sub-rectangular cavity (the length of the cavity is 7.4 cm, the width is 1.8 cm, and the depth is 1.6 cm). A thin bronze blade was inside of the cavity. A bone mask was worn on the figurine's face. An ornamented bone blade, which has parallels in the Odino culture, was placed next to it.

Keywords: Baraba forest-steppe, Bronze Age, Odino and Krotovo cultures, burial grounds, grave goods, sculpture.

Введение

На памятнике Усть-Тартас-2 (Карьер Таи-1) работы ведутся уже четвертый полевой сезон. Методика работы сплошным раскопом, широкими площадями, с выносом грунта за пределы рабочей площадки, с использованием геофизического мониторинга позволяет получать информацию не только об отдельном сооружении, но и о стратиграфии, планиграфии, хронологии объекта в целом или его значительного участка. Вскрытая в 2020 г. площадь составила 226 м². Раскоп расположен вдоль края террасы, он продолжал исследования прошлых лет в северо-западном направлении. Помимо обнаруженных на памятнике ранне- и поздненеолитических ритуальных и погребальных комплексов (см. работу Молодина В.И. и др. «Поздне- и ранне-неолитический погребальный комплекс на памятнике Усть-Тартас-2 (Венгеровский район Новосибирской области)» в данном сборнике), здесь было выявлено десять захоронений одиновской (№ 63, 64, 65, 66, 68, 71, 72, 74–76) и одной кротовской (№ 67) культур, содержащих совершенно оригинальный погребальный инвентарь. Некоторые из находок оказались столь индивидуальными, что диктуют незамедлительное введение материалов в научный оборот.

Цель данной работы – на основе краткой характеристики и первичного анализа полученных материалов показать результаты исследований 2020 г. объектов эпохи бронзы.

Характеристика и анализ источников

Напомним, что за прошедшие полевые сезоны на памятнике были исследованы погребальные комплексы различных эпох и культур, представившие порой уникальные материалы, которые в разной степени опубликованы [Кобелева и др., 2019; Молодин и др., 2017].

Захоронения одиновской культуры на сегодняшний день составляют наибольший на памятнике могильник, насчитывающий 53 объекта. Они расположены параллельными рядами, помещенными вдоль края террасы. К настоящему времени таких рядов, разной насыщенности, зафиксировано четыре. Из них наибольшей представительностью выделяется ряд, идущий по краю террасы. Данный принцип формирования некрополя в целом характерен для погребальных комплексов одиновской культуры и хорошо изучен, прежде всего, на могильнике Сопка-2/4А [Молодин, 2012], а также Тартас-1 и Преображенка-6 (см., напр.: [Молодин, 2012, 2013]). На всех этих некрополях могилы сформированы в параллельные ряды, в конечном итоге образующие замкнутый комплекс. Закономерности их формирования еще предстоит выяснить в дальнейшем, обратившись к масштабным анализам данных антропологии и палеогенетики.

На памятнике Усть-Тартас-2 зафиксированы некоторые отличия планиграфии одиновского могильника. По данным, полученным на Сопке-2/4А, да и других вышеназванных объектах, захоронения одиновской культуры концентрировались в глубине

террасы, и только отдельные группы могил или отдельные могилы выносились на ее край. В анализируемом случае некрополь сформирован на самом краю террасы, что определено было продиктовано какими-то причинами, которые, впрочем, пока не ясны. Расстояние между могилами в рядах различно. Раскопками текущего года было выявлено три ряда. В первом ряду, расположенном по краю террасы, продолжающем самый многочисленный ряд могильника, исследованы шесть погребений. Из них в трех захоронены дети, в двух – взрослые, в одном – взрослый и ребенок, еще в одном – трое взрослых и два подростка (?). Во втором ряду выявлены три могилы: в двух захоронены взрослые, в одной – ребенок. Третий ряд представлен одной могилой, ярусной, с четырьмя погребенными взрослыми людьми. Таким образом, детские погребения располагались и в одних рядах со взрослыми, и в одних с ними могильных ямах.

Зафиксирована сложная стратиграфическая ситуация, выражавшаяся в нарушении погребениями одиновской культуры более ранних объектов. Например, погр. № 64 первого ряда накладывалось на раннеолитическую яму с останками рыбы. Погребение второго ряда № 68 накладывалось на позднеолитический погребальный комплекс и, к тому же, перерезало раннеолитический ровик, нарушив тем самым более древние объекты. Погребение № 75 было врезано в ров позднеолитической конструкции, изменив контур и глубину этого земляного сооружения (подробно о позднеолитическом погребальном комплексе см. статью Молодина В.И. и др. «Позднеолитический погребальный комплекс на памятнике Усть-Тартас-2 (Венгеровский район Новосибирской области)» в настоящем сборнике). Об особенностях погр. № 65 речь пойдет ниже.

Погребальная практика, фиксируемая при раскопках захоронений одиновской культуры памятника Усть-Тартас-2, практически полностью соответствует характерным для культуры канонам, выявленным как в целом для могильников данного культурного образования [Молодин, 2012], так и в одиновских захоронениях, исследованных на данном объекте в предшествующие годы [Молодин и др., 2019]. Впрочем на данном памятнике были нередки и исключения. Речь идет о комплексах с необычным инвентарем (предметами пластического искусства), а также особенностями погребальной практики, порой настолько своеобразными, что это позволило даже выделять могилы носителей особого социального статуса.

К числу таких погребений, вне всякого сомнения, относится захоронение № 76. Могила выявлена в первом ряду, фактически у склона террасы.

Погребальная камера имела правильную подпрямоугольную форму, ориентирована по линии СВ – ЮЗ. Ее размеры по внешнему контуру $2,28 \times 1,42$ м, глубина варьирует от 0,4 до 0,5 м. Стенки могилы чуть наклонены внутрь, в северо-восточной части имеется отрицательный уклон. Дно, как характерно для одиновской традиции, неоднородно по глубине: в северной части оно выше, чем в южной – на 0,1 м.

Захоронение коллективное. В северной, основной части камеры были помещены три взрослых человека. Центральный из них имел более мощное телосложение и, судя по положению костей, помещен в могильную яму последним. Умершие были буквально втиснуты в погребальную камеру. Верхняя часть их туловища была несколько приподнята благодаря неровному уровню дна могилы. Особенностью погребенных было то, что у всех троих перед захоронением были отчленены головы. При этом шейные позвонки не имели каких-либо дефектов, что свидетельствует о достаточно «деликатном» или профессиональном их отделении, скорее всего, – ножом, но никак не рубящим инструментом.

В противоположной, южной части погребальной камеры были размещены еще две особи. Они ориентированы головой в противоположную сторону и покоились в ногах (между ног) у крайних индивидов (таким образом, все пять захороненных лежали «валетом»). По возрасту оба индивида были более молодыми (возможно, подростками). У них также отчленены головы, однако в отличие от трех взрослых головы были отрезаны практически вместе с шейей, и сделано это было также «деликатно», без применения рубящего инструмента (рис. 1, 1).

Погребальный инвентарь был положен только центральному, взрослому умершему. Изделия располагались кучкой под правой тазовой костью и, вероятно, были помещены в определенной емкости. Набор состоял из короткого костяного кинжала с выраженным колющим лезвием и намеченным черешком для крепления рукояти (рис. 1, 2). Остальные изделия из кости были представлены полуфабрикатами отдельных вещей (в т.ч. проколка, три наконечника стрел) (рис. 1, 3–9). Кроме этого, здесь были помещены небольшой каменный топорик, абразив, а также фрагмент челюсти канисового (лисица?) и коготь крупной совы (?). Можно предположить, что изделия представляют собой набор мастера-костореза. Близкие по своему содержанию наборы подобной специализации отмечались исследователями, например, в памятниках Верхнего Приобья [Сидоров, 1978].

Следы декапитации у погребенных фиксируются еще с эпохи энеолита, например, в материалах могильников Северного Казахстана [Зайберт, 1993; Рыкушина, Зайберт, 1984; Шорин, Нохрина,

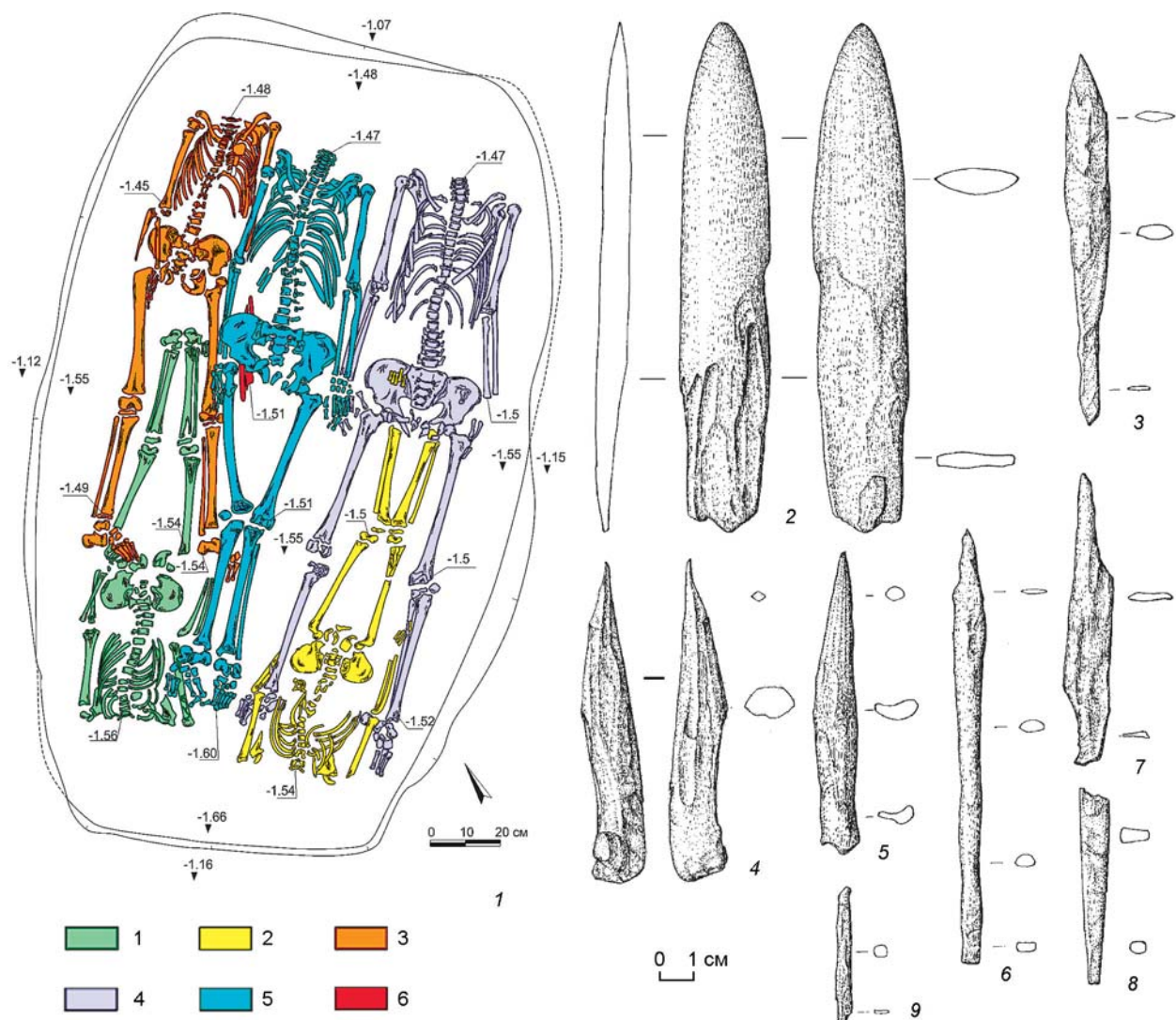

Рис. 1. Погр. № 76 памятника Усть-Тартас-2.

1 – план погребения; 2 – костяной кинжал; 3–9 – костяные заготовки для орудий.

2000; Хлобыстина, 1999]. Захоронения одиновской культуры редко, но все же встречаются без черепов. Можно, наверное, говорить о культе черепа (или головы) у носителей традиций этой культуры. Однако данные проявления имеют место, скорее, как исключение, нежели правило. Таким образом, зафиксировано совершенно необычное захоронение не только для носителей одиновской культуры, но и для всей эпохи бронзы, включая усть-тартасскую культуру эпохи ранней бронзы, для погребальной практики которой разнообразные манипуляции над трупами перед помещением последних в могильную яму были традиционными [Молодин, 2005].

В захоронении одиновской культуры № 64 (рис. 2, 1) следует отметить великолепную находку составного браслета на запястье левой руки умершей, состоящего из трех крупных бусин (диски с отверстием) из белого мрамора (рис. 2, 3–5).

Украшением браслета явилась подвеска, выполненная также из белого мрамора в виде стилизованной фигурки «уточки» (рис. 2, 2).

Среди исследованных захоронений одиновской культуры особое место занимает погр. № 65. Это коллективная усыпальница, которая, как и погр. № 68, перерезает поздненеолитическое погребальное сооружение и раннеолитический ровик.

Погребение одиновской культуры № 65 состояло из четырех ярусов. Ярусная конструкция изредка встречается в могильниках культуры. В частности, двухъярусные захоронения отмечены на исследуемом памятнике – погр. № 18, 32, 38, а также на могильнике Сопка-2/4А – погр. № 577 [Молодин, 2012, с. 118] и № 580 [Там же, с. 120].

Захоронения каждого яруса изучаемого объекта отличались по погребальной практике и инвентарю, они близки лишь по ориентации человека го-

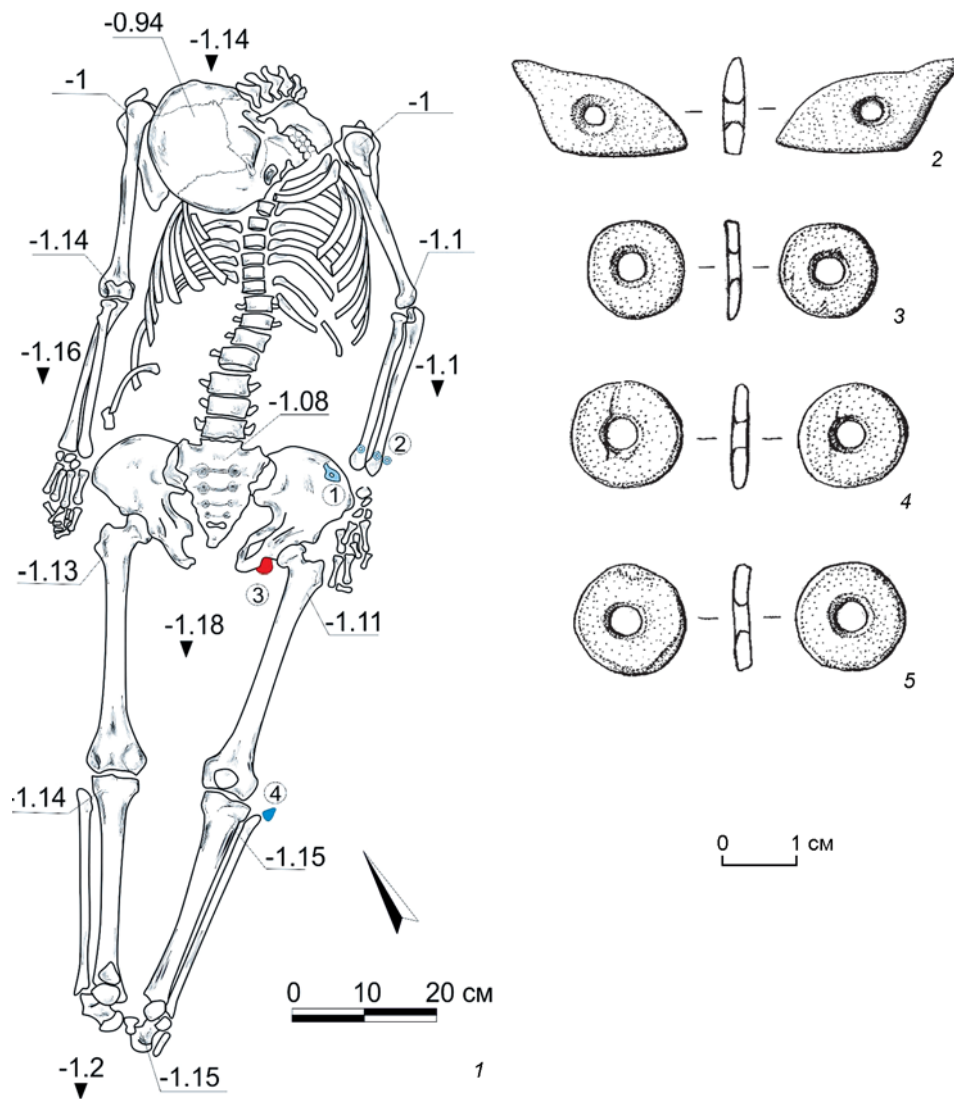

Рис. 2. Погр. № 64 памятника Усть-Тартас-2.

1 – план погребения; 2 – орнитоморфная скульптура из камня; 3–5 – подвески из камня.

ловой на СВ. Наиболее интересным и представительным по погребальному инвентарю оказалось самое верхнее захоронение. Умерший был помещен в могилу на животе и лежал непосредственно на другом человеке, который покоился на спине, в вытянутом положении. Верхний костяк принадлежал женщине, лежащий под ним – мужчине. Каждый погребенный был завернут в берестяное полотно, которое было подождено уже в могиле. В результате оба скелета оказались обожженными, однако, поскольку огонь воздействовал короткое время, предметы не пострадали.

У левого плеча верхнего погребенного была обнаружена совершенно удивительная глиняная скульптура человека, не имеющая аналогий ни в памятниках одиновской культуры, ни в изделиях такого же характера в других культурах Евразии эпохи ранней – развитой бронзы.

Данная объемная глиняная фигурка хорошо обожжена (рис. 3, 1), имеет темно-коричневый цвет, в области живота переходящий в ярко-красный. Пол персонажа не выражен. Высота изделия 16,2 см. Голова круглая (диаметр 4,2 см). Объемно переданы черты лица – округлые глазницы, широкий, рельефно выраженный нос, рот выполнен в виде неправильной подовальной ямки. На левой щеке обозначена прямая, вертикальная линия, очевидно, демонстрирующая татуировку. Волосы и уши не показаны. Шея короткая, лишь слегка намечена. Туловище вытянутое, прямое, без выраженной талии. Плечи переходят в длинные руки, которые явно нарочито увеличены и завершаются в области ног. На левой руке как будто угадываются пальцы (или когти?). В отличие от рук, ноги персонажа короткие. Рельефно выражены выступающие колени и ступни. Создается впечатление, что

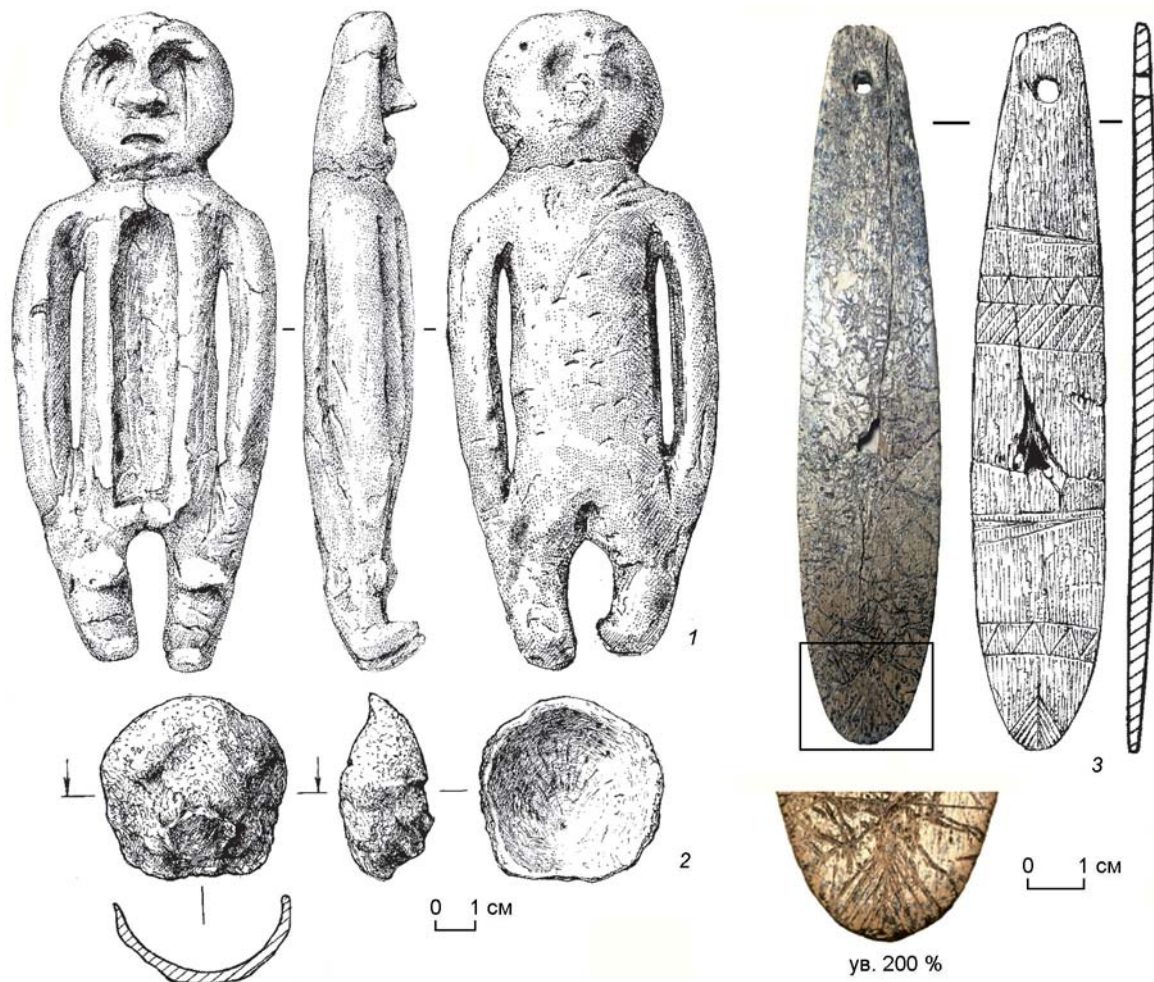

Рис. 3. Находки из погр. № 65 памятника Усть-Тартас-2.
1 – антропоморфная фигура (глина); 2 – «маска» из кости; 3 – изделие из кости.

человек стоит на слегка согнутых ногах. Передняя часть на всю длину туловища выбрана в виде глубокой подчетырёхугольной полости (длина емкости 7,4 см, ширина 1,8 см, глубина 1,6 см). Полость выполнена явно для размещения в ней какого-то приклада. Во всяком случае тонкая бронзовая пластина в ней сохранилась прекрасно. На спине скульптурки прослеживаются несколько хаотично нанесенных рисок, возможно, – имитация шерсти животного или фактуры одежды (?).

Произведение, несомненно, оригинально и, повторим, не имеет аналогий. Однако такие черты, как утрированно удлиненные руки, татуировка на лице позволяют фиксировать эпохальные черты сходства с антропоморфными изображениями на погребальных личинах каракольской культуры [Кубарев В.Д., 1988] и костяной пластике крохалевакской культуры [Басова и др., 2019], которые совпадают по времени бытования с одиновской культурой и территориально близки последней. Антропоморфная пластика окуневской и самусьской культур (см., напр.: [Есин,

2009; Молодин, 1992; Новоженев, 2015]), а также значительное количество подобных случайных находок этого культурно-хронологического пласта из Западной Сибири существенно отличаются от анализируемого произведения.

Охарактеризованную фигурку человека завершает костяная «маска», которая была надета на его лицо. Маска выполнена из суставной части позвонка лошади (определение канд. биол. наук С.К. Васильева). Ее лицевая часть оформлена грубыми срезами, позволяющими видеть в образе вероятную морду медведя (рис. 3, 2). Наличие маски, надетой на лицо «человека», еще более увеличивает оригинальность данной находки. В то же время маска позволяет говорить о культурной интерпретации находки: подобное изделие, выполненное из такого же материала (определение канд. биол. наук С.К. Васильева), но чуть меньше по размерам, обнаружено в могиле одиновской культуры № 192 могильника Сопка-2/4А [Молодин, 2012, с. 53, рис. 53, 3].

Однако замечательно не только вышеописанное произведение, но и его явно прослеживаемая семантическая нагрузка, на характеристике которой следует остановиться особо. Глиняная скульптурка покоилась у левого плеча верхнего погребенного. При этом головка скульптурки была специально отломана и развернута лицом в противоположную от разворота туловища сторону. В нише на туловище лежала бронзовая пластина. Сюда же могли помещаться и другие приклады (например, пища или изделия из органических материалов), которые до нашего времени не сохраняются*. Не исключено, что фигурка могла быть одета, во всяком случае, такие проявления мы нередко наблюдаем на антропоморфной пластике, на святилищах аборигенного населения сибирского Севера (см., напр.: [Гемув, Сагалаев, 1986]). Замечательно, что лицо скульптуры человека было спрятано под маской, изображающей, по-видимому, как было отмечено, медвежью морду.

Данная находка требует специального осмысления. В настоящей работе мы считаем главной задачей скорейшее введение этого уникального произведения в научный оборот.

В качестве возможной аналогии данной скульптурке, пожалуй, можно привести антропоморфный сосуд из Саразма (Таджикистан), хранящийся в Государственном Эрмитаже и опубликованный В.А. Новоженовым [2015, рис. 3]. Вырезанный из порфирита сосудик с человеческой головой и туловищем в виде чашевидной емкости семантически может быть сопоставим с анализируемым в настоящей работе изделием.

Рядом с глиняной скульптуркой человека была помещена костяная пластина (рис. 3, 3). Один ее конец закруглен. Ширина пластины плавно увеличивается к овальной оконечности. Длина изделия 13 см, максимальная ширина 2,5 см, толщина 0,35 см. Более узкий конец имеет отверстие, вероятно, для крепления. С обеих сторон пластина украшена гравированным орнаментом, нанесенным тончайшими линиями. С одной из сторон хорошо читается его композиционное построение: горизонтальные зоны, покрытые треугольными зигзагами и косыми (наклонными) линиями. На оборотной стороне узор нанесен симметрично, но более упрощенно. Гравировка на плоскостях изделия была практически незаметна и вряд ли могла служить для его украшения. Важно, что аналогичные по морфологии изделия были найдены в погребениях единовской [Молодин, 2012, рис. 206] и кротовской [Молодин, Гришин, 2016, рис. 402, 1, 2] куль-

*Содержимое полости взято для проведения химических анализов.

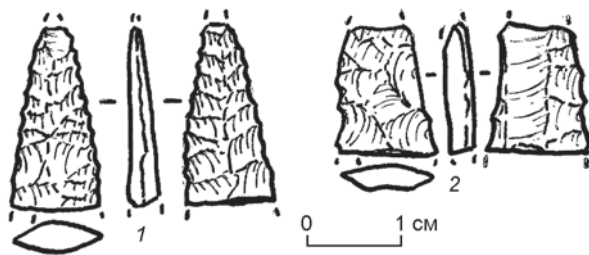

Рис. 4. Находки из погр. № 67 памятника Усть-Тартас-2. 1 – каменный наконечник стрелы; 2 – каменная ножевидная ретушированная пластина.

тур. Определение предназначения этих предметов всегда было затруднено и неоднозначно. В.И. Молодин предполагал их возможную интерпретацию в качестве «костяных спиц», «накладок» [Молодин, 2012, с. 136] или фронтальных накладок на тело лука [Молодин, Гришин, 2016, с. 252, 253], однако есть аргументы и против такой трактовки. Как бы то ни было, в анализируемом случае принципиально важно само присутствие этого предмета, редко, но фиксируемого в материалах единовской культуры. Примечательно, что сочетание таких предметов, как орнаментированная костяная пластина непонятного пока назначения и костяная маска зооморфного характера, обнаружено в двух случаях в единовских непо потревоженных комплексах могильников Сопка-2/4А и Усть-Тартас-2. Возможно, в погребении на Сопке также была антропоморфная фигурка, но выполненная из дерева (?) (или тряпичная кукла (?)), не сохранившаяся до нашего времени. Все это чрезвычайно важно для реконструкции надстроечных явлений в единовском обществе.

Кроме могильника единовской культуры, на Усть-Тартасе-2 выявлена могила, продолжающая ряд кротовских погребений (напомним читателю, что ряд кротовских захоронений совершен позже единовских рядов [Молодин и др., 2018], однако ориентирован также вдоль края террасы). Погребение кротовской культуры № 67, исследованное на памятнике, является вторичным захоронением (что также имеет место у носителей культуры). Погребальный инвентарь в нем представлен каменным наконечником стрелы, ножевидной ретушированной пластиной (рис. 4) и мелким фрагментом керамики.

Заключение

Результаты раскопок 2020 г. на памятнике Усть-Тартас-2 существенно обогатили и расширили наши представления о погребальной практике единовской и кротовской культур, носители которых в III тыс. до н.э. населяли лесостепные пространства Западно-Сибирской равнины. Глиняная

антропоморфная скульптурка, сопровождаемая костяной маской, замечательна не только как предмет пластического искусства, но и как объект для изучения идеологических представлений населения Барабинской лесостепи в эпоху бронзы.

Благодарности

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 18-09-40051.

Список литературы

Басова Н.В., Постнов А.В., Заика А.Л., Молодин В.И. Предметы мобильного искусства из могильника эпохи бронзы на поселении Турист-2 // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2019. – Т. 47, № 4. – С. 53–65.

Гемуев И.Н., Сагалаев А.М. Религия народа манси. Культовые места XIX – начала XX в. – Новосибирск: Наука, 1986. – 190 с.

Есин Ю.Н. Древнее искусство Сибири: самусьская культура. – Томск: Том. гос. ун-т, 2009. – 526 с. – (Труды музея археологии и этнографии Сибири; т. 2).

Зайберт В.Ф. Энеолит Урало-Иртышского междуречья. – Петропавловск: Наука, 1993. – 246 с.

Кобелева Л.С., Ненахов Д.А., Дураков И.А., Мыльникова Л.Н., Нестерова М.С., Молодин В.И., Райнхольд С. Бронзолитейный комплекс эпохи ранней – развитой бронзы на поселении Карьер Таи-1 (Барабинская лесостепь) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2019. – Т. XXV. – С. 402–408.

Кубарев В.Д. Древние росписи Каракола. – Новосибирск: Наука, 1988. – 173 с.

Молодин В.И. Древнее искусство Западной Сибири (Обь-Иртышская лесостепь). – Новосибирск: Наука, 1992. – 192 с.

Молодин В.И. Усть-тартасская культура // Проблемы историко-культурного развития древних и традиционных обществ Западной Сибири и сопредельных территорий. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 2005. – С. 180–184.

Молодин В.И. Памятник Сопка-2 на реке Оми: культурно-хронологический анализ погребальных комплексов одиновской культуры. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2012. – Т. 3. – 220 с.

Молодин В.И. Сейминско-турбинские бронзы в «закрытых» комплексах одиновской культуры (Барабинская лесостепь) // Фундаментальные проблемы археологии, антропологии и этнографии: к 70-летию академика А.П. Деревянко. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2013. – С. 309–324.

Молодин В.И., Гришин А.Е. Памятник Сопка-2 на реке Оми. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2016. –

Т. 4. Культурно-хронологический анализ погребальных комплексов кротовской культуры. – 452 с.

Молодин В.И., Кобелева Л.С., Дураков И.А., Райнхольд С., Ненахова Ю.Н., Борzych К.А., Швецова Е.С. Могильник Усть-Тартас-2 – новый погребальный комплекс эпохи неолита, ранней и развитой бронзы в Барабинской лесостепи // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2017. – Т. XXIII. – С. 363–367.

Молодин В.И., Кобелева Л.С., Райнхольд С., Ненахова Ю.Н., Ефремова Н.С., Дураков И.А., Мыльникова Л.Н., Нестерова М.С. Стратиграфия погребальных комплексов ранней – развитой бронзы на памятнике Усть-Тартас-2 // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2018. – Т. XXIV. – С. 293–298.

Молодин В.И., Мыльникова Л.Н., Нестерова М.С., Кобелева Л.С., Селин Д.В., Ненахов Д.А., Степанова В.С. Основные результаты исследования могильника эпохи бронзы Усть-Тартас-2 в 2019 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2019. – Т. XXV. – С. 471–477.

Новоженков В.А. К вопросу об этнокультурной интерпретации коллекции антропологической антропоморфной пластики из памятников Центральной Азии второй половины 3 тыс. до н.э. // Древний Тургай и Великая Степь: часть и целое: сб. науч. ст., посв. 70-летию юбилею Виктора Николаевича Логвина. – Костанай; Алматы, 2015. – С. 314–331.

Рыкушина Г.В., Зайберт В.Ф. Предварительное сообщение о скелетных остатках людей с энеолитического поселения Ботай // Бронзовый век Урало-Иртышского междуречья. – Челябинск: Изд-во Башкир. ун-та, 1984. – С. 121–136.

Сидоров Е.А. Трасологическое изучение материалов Каменного Мыса // Ранний железный век Западной Сибири. – Томск: Том. гос. ун-т, 1978. – С. 19–24.

Хлобыстина М.Д. Ритуал «череп и головы» в культурах Северной Евразии эпохи раннего голоцена // *Stratum plus*. – 1999. – № 1. – С. 326–333.

Шорин А.Ф., Нохрина Т.И. Погребальный обряд энеолитического населения Урала // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2000. – № 2 (2). – С. 96–106.

References

Basova N.V., Postnov A.V., Zaika A.L., Molodin V.I. Objects of portable art from a bronze age cemetery at Turist-2. *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*, 2019, vol. 47, No. 4, pp. 53–65. doi:10.17746/1563-0110.2019.47.4.053-065

Esin Yu.N. Drevnee iskusstvo Sibiri: samus'skaya kul'tura. Tomsk: State Univ. Press, 2009, 526 p. (Trudy muzeya arkheologii i etnografii Sibiri; vol. 2). (In Russ.).

Gemuev I.N., Sagalaev A.M. Religiya naroda mansi. Kul'tovye mesta XIX – nachala XX v. Novosibirsk: Nauka, 1986, 190 p. (In Russ.).

Khlobystina M.D. Ritual "cherepa i golovy" v kul'turakh Severnoi Evrazii epokhi rannego golotsena. In *Stratum plus*, 1999, No. 1, pp. 326–333. (In Russ.).

Kobeleva L.S., Nenakhov D.A., Durakov I.A., Mylnikova L.N., Nesterova M.S., Molodin V.I., Reinhold S. Foundry complex of the early-advanced bronze age at the Karier Tai-1 site (Baraba forest-steppe). In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2019, vol. XXV, pp. 402–408. doi:10.17746/2658-6193.2019.25.402-408 (In Russ.).

Kubarev V.D. Drevnie rospisi Karakola. Novosibirsk: Nauka, 1988, 173 p. (In Russ.).

Molodin V.I. Drevnee iskusstvo Zapadnoi Sibiri (Ob'-Irtyskaya lesostep'). Novosibirsk: Nauka, 1992, 192 p. (In Russ.).

Molodin V.I. Ust'-tartasskaya kul'tura. In *Problemy istoriko-kul'turnogo razvitiya drevnikh i traditsionnykh obshchestv Zapadnoi Sibiri i sopredel'nykh territorii: materialy XIII Zapadno-Sibirskoi arkheologo-etnograficheskoi konferentsii*. Tomsk: State Univ. Press, 2005, pp. 180–184. (In Russ.).

Molodin V.I. Pamyatnik Sopka-2 na reke Omi: Kul'turno-khronologicheskii analiz pogrebal'nykh kompleksov odinovskoi kul'tury. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2012, vol. 3, 220 p. URL: https://archaeology.nsc.ru/wp-content/uploads/2018/08/molodin_sait_2012.pdf (Accessed: 15.10.2020) (In Russ.).

Molodin V.I. Seiminsko-turbinskie bronzy v "zakrytykh" kompleksakh odinovskoi kul'tury (Barabinskaya lesostep'). In *Fundamental'nye problemy arkheologii, antropologii i etnografii: k 70-letiyu akademika A.P. Derevyanko*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2013, pp. 309–324. (In Russ.).

Molodin V.I., Grishin A.E. Pamyatnik Sopka-2 na reke Omi. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2016, vol. 4: Kul'turno-khronologicheskii analiz pogrebal'nykh kompleksov krotovskoi kul'tury, 452 p. URL: <http://archaeology.nsc.ru/wp-content/uploads/2018/08/Sopka.pdf> (Accessed: 15.10.2020) (In Russ.).

Molodin V.I., Kobeleva L.S., Durakov I.A., Reinhold S., Nenakhova Yu.N., Borzykh K.A., Shvetsova E.S. Ust-Tartas-2 burial ground – new neolithic, early and middle bronze age burial complex in the Baraba forest-steppe region. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET

SB RAS Publ., 2017, vol. XXIII, pp. 363–367. URL: http://paeas.ru/x/ru/2017/2017_363-367.pdf (Accessed: 15.10.2020). (In Russ.).

Molodin V.I., Kobeleva L.S., Reinhold S., Nenakhova Yu.N., Efremova N.S., Durakov I.A., Mylnikova L.N., Nesterova M.S. Stratigraphy of the Early – Middle Bronze Funeral Complexes at Ust-Tartas-2. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2018, vol. XXIV, pp. 293–298. doi:10.17746/2658-6193.2018.24.293-298 (In Russ.).

Molodin V.I., Mylnikova L.N., Nesterova M.S., Kobeleva L.S., Selin D.V., Nenakhov D.A., Stepanova V.S. Archaeological research of 2019 at the Ust-Tartas-2 burial ground of the bronze age. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2019, vol. XXV, pp. 471–477. doi:10.17746/2658-6193.2019.25.471-477 (In Russ.).

Novozhenov V.A. K voprosu ob etnokul'turnoi interpretatsii kollektzii antropologicheskoi antropomorfnoi plastiki iz pamyatnikov Tsentral'noi Azii vtoroi poloviny III tys. do n.e. In *Drevnii Turgai i Velikaya Step': chast' i tseloe: Sbornik nauch. statei, posv. 70-letnemu yubileyu V.N. Logvina*. Kostanai; Almaty, 2015, pp. 314–331. (In Russ.).

Rykushina G.V., Zaibert V.F. Predvaritel'noe soobshchenie o skeletnykh ostatkakh lyudei s eneoliticheskogo poseleniya Botai. In *Bronzovyi vek Uralo-Irtyskogo mezhdurech'ya*. Chelyabinsk: Bashkir State Univ. Press, 1984, pp. 121–136. (In Russ.).

Shorin A.F., Nokhrina T.I. Pogrebal'nyi obryad eneoliticheskogo naseleniya Urala. *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*, 2000, No. 2 (2), pp. 96–106.

Sidorov E.A. Trasologicheskoe izuchenie materialov Kamennogo Mysa. In *Rannii zheleznyi vek Zapadnoi Sibiri*. Tomsk: State Univ. Press, 1978, pp. 19–24. (In Russ.).

Zaibert V.F. Eneolit Uralo-Irtyskogo mezhdurech'ya. Petropavlovsk: Nauka, 1993, 246 p. (In Russ.).

Молодин В.И. <https://orcid.org/0000-0002-3151-8457>

Мыльникова Л.Н. <https://orcid.org/0000-0003-0196-5165>

Кобелева Л.С. <https://orcid.org/0000-0002-4969-3771>

Нестерова М.С. <https://orcid.org/0000-0003-4024-6753>

Хансен С. <https://orcid.org/0000-0002-6714-4629>

Селин Д.В. <https://orcid.org/0000-0002-6939-2917>

Кудинова М.А. <https://orcid.org/0000-0001-8369-2089>

Дураков И.А. <https://orcid.org/0000-0002-8526-9257>

Швецова Е.С. <https://orcid.org/0000-0001-5358-1927>

Ненахова Ю.Н. <https://orcid.org/0000-0003-3209-8180>

Райнхольд С. <https://orcid.org/0000-0002-8107-6300>

Бобин Д.Н. <https://orcid.org/0000-0002-8180-7425>